

Эрик Каплан

От
продюсера
«Теории
Большого
взрыва»

Санта
действительно
существует?

Философское
расследование

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Eric Kaplan

Does Santa exist?

A philosophical investigation

DUTTON

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Эрик Каплан

Санта действительно существует?

Философское расследование

Перевод с английского Иделии Айзятуловой

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2016

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 140.8:82-7
ББК 87.152.42:84-447
К20

На русском языке публикуется впервые

Издано с разрешения Penguin Book Ltd.
и литературного агентства Andrew Nurnberg

Каплан, Эрик

К20 Санта действительно существует? Философское расследование /
Эрик Каплан ; пер. с англ. И. Айзятуловой — М. : Манн, Иванов
и Фербер, 2016. — 256 с.

ISBN 978-5-00057-703-5

Существует ли Санта на самом деле? Что этот вопрос вообще значит — и значит ли он что-то персонально для вас?

Эрик Каплан решил серьезно исследовать этот несерьезный вопрос — и в поисках ответа он проводит читателя через философию, науку, мистицизм, мораль, мифологию, логику, этику и психологию.

Получилась очень интересная книга по философии, совсем непохожая на те классические труды и учебники, что можно найти в библиотеке вашего дедушки.

УДК 140.8:82-7
ББК 87.152.42:84-447

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс»

VEGAS LEX

ISBN 978-5-00057-703-5

© All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Dutton, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random House Company

© Перевод, издание на русском языке, оформление.
ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2016

Оглавление

Примечание для читателя 9

Введение

Мой сын, мать его друга
и два объяснения 11

Часть I

Логика

Глава 1

Заголовок, который
не описывает содержание
дальнейшего текста 25

Глава 2

Как не прожить жизнь дураком 40

Глава 3

Нужно ли быть глупым,
чтобы быть умным? 59

МИСТИЦИЗМ

Глава 4

- 75 Палец, познакомься с Луной;
Луна, познакомься с пальцем

Глава 5

- 83 Санта-йога

Глава 6

- 95 Я делаю, и я не делаю

Юмор

Глава 7

- 111 Студень Санты и желе
Сары Сильверман

Глава 8

- 122 Гигантский огурец Сеньора
Бабаха

Глава 9

Боль — это юмор минус время 137

Часть IV

ЖИЗНЬ

Глава 10

Доведенная до абсурда 147

Глава 11

Санта и половина мозга 158

Глава 12

Существует ли Один? 170

Часть V

Вы и я

Глава 13

Домик на древе жизни 181

Глава 14

Лицо вопроса 198

Глава 15

212 СМЫСЛ ВСЕГО

Заключение

228 Моему внуку — на будущее

231 Рекомендации
для дальнейшего чтения

242 Благодарности

Примечание для читателя

У этой книги есть целых три названия, которые обращаются к трем разным аудиториям, но, к счастью, в письменном виде они выглядят совершенно одинаково, а именно: «Санта действительно существует?»

Первый заголовок, в котором все три слова более-менее равнозначны по важности, предназначен для тех, кто хочет порассуждать, существует или нет добродушный бородач, раздающий подарки. Во втором названии акцент сделан на слове «существует». Оно может соблазнить читателей, которые интересуются, допустимо ли назвать то, что делает Санта (если он что-то делает), в онтологическом смысле «существованием». Иначе говоря, их интересует скорее не сам Санта, а концепция бытия. Третий заголовок можно воспринимать как окончание коротенького диалога об отношениях между наукой и верой:

Наука: «Если что-то не является частью научного дискурса, это еще не значит, что оно не существует».

Читатели, привлеченные этим названием, произносят вопрос так, как будто он доводит до абсурда предположение, что за горизонтом науки что-то существует. Больше всего их интересует в этой книге — если интересует вообще что-то — рассуждение о том, допустимо ли доказательство от абсурдного.

Эрик Каплан

Введение

Мой сын, мать его друга и два объяснения

Проблема онтологии Санта-Клауса не волновала меня до тех пор, пока мой сын Ари не пошел в детский сад. Мальчик не верил в Санту. Однажды в начале декабря он решил сходить в зоопарк со своим другом Шайлером, но Тэмми, мама Шайлера, позвонила мне и сказала, что не хочет, чтобы ее сын шел с моим. В зоопарке среди прочих животных содержались олени, и она боялась, что дело может закончиться обсуждением Санта-Клауса. Шайлер верил в Санту — он был милым ребенком, еще не достигшим мрачного и мятежного подросткового возраста, и Тэмми хотела, чтобы он оставался таким еще хоть какое-то время. Так что она отменила ту встречу, чтобы Ари не сказал ее сыну: «Нет никакого Санты, это все твои родители» и тем самым не пошатнул его веру.

Я счел подобное решение немного странным, поскольку, по моему мнению, Тэмми была готова пожертвовать

дружбой своего сына с Ари, существующим в реальности, ради сохранения его отношений с Санта-Клаусом, которого нет.

Но почему я настолько был убежден, что его нет? Не потому, что я ни разу его не видел — я никогда не видел израильскую супермодель Бар Рафаэли, но она существует или, по крайней мере, существовала на момент написания этих строк. И не потому, что, даже если бы я отправился к Санте на Северный полюс, я не нашел бы ни его самого, ни эльфов — поскольку факту их отсутствия можно найти множество объяснений: например, что борода Санты создает особое поле, делающее его незаметным для людей, или что у эльфов есть особое устройство, преломляющее лучи света, или же что наша встреча все-таки состоялась, но миссис Клаус уговорила меня сделать операцию на мозге, и эти воспоминания оказались начисто стерты из моей памяти. Нет, я уверен, реальная причина заключается в том, что никто никогда не убеждал меня в существовании Санты, а вера в него не сочетается с другими фактами, которые, как мне известно, являются правдой: олени не умеют летать, игрушки покупают в магазинах и т. д.

Я рассказал эту историю дочери, и она ответила: «А я верю в Санту». Тогда я спросил, верит ли она в Пасхального Кролика, и она сказала: «Да. Я же ребенок, поэтому я верю во все».

Поделившись своими соображениями с женой, психологом по образованию, которая воспитывалась в коммунистической Румынии, я услышал что-то наподобие: «Американцы говорят своим детям неправду о подобных вещах, а потом дети вырастают и понимают, что родители им врали. Ничего удивительного, что юные американцы такие ненормальные».

Я до сих пор озадачен поведением Тэмми, но мне удалось придумать два возможных объяснения.

13

Объяснение через ложь

В прошлом по какой-то причине американских детей приучали верить в Санта-Клауса: возможно, родители считали, что это отличный способ припугнуть своих чад и заставить их хорошо себя вести. Повзрослев, дети перестали верить в Санту, но решили, что было бы неплохо убедить уже собственных детей поверить в него. Так общество разделилось на две группы: тех, кто обманывает, и тех, кого обманывают. При этом мотивы у лжецов могут быть самыми разными: от доброжелательных (главным образом у родителей) до эгоистичных (у продавцов рождественских товаров и американских политиков, желающих объединить страну иммигрантов с помощью национального мифа). Давайте будем откровенны и назовем это объяснением через *ложь*.

Я лично наблюдал, что объяснение через ложь вполне функционально. Я работаю в Голливуде, накачиваю земной шар образами и сюжетами. Когда мы писали сценарий одного из эпизодов сериала «Теория Большого взрыва», в котором персонаж по имени Шелдон убивает Санта-Клауса в игре Dungeons & Dragons, один из сценаристов пожелал оставить вопрос о существовании Санты открытым, поскольку сериал смотрели его дети, которые верили в добродушного рождественского деда. Разумеется, поскольку этот человек был сценаристом американского ситкома, финансируемого за счет рекламы, его доброжелательные мотивы для лжи смешались с менее доброжелательными мотивами рекламщиков.

Объяснение через безумие

Другое решение загадки заключается в том, что в разуме Тэмми что-то оказалось разделено или не связано между собой. Согласно этой гипотезе, часть разума Тэмми верит в Санту. Она молчит об этом, разговаривая с другими взрослыми, но верит в него, оставаясь наедине с детьми. Не исключено, что та часть Тэмми, которая верит в Санту, лишена права голоса — она может ни разу не заявить о себе, но при этом обладать мечтами, фантазиями и эмоциями по отношению к святому Николаю. В результате ей становится неприятно от мысли, что ее сын утратит веру в Санта-Клауса, потому что какая-то часть ее мозга тоже в него верит.

Как один человек способен одновременно верить и не верить в Санта-Клауса? Если вы — убежденный сторонник теории заговора, вы можете считать, что даже если Тэмми когда-нибудь признается в том, что верит в Санту, она совет. В конце концов она ведь покупает игрушки в магазине — как она может думать, что они попадают в дом через дымоход?

Однако люди верят в разные вещи в разное время в разных контекстах. Давайте представим, что Тэмми приходит домой и ложится спать. Засыпая, она слышит голос в своей голове, похожий на ее собственный. Он говорит: «Санта существует. Я помню, как ждала его появления. Откуда мне знать, что его нет? Да, часть меня полагает, что он не пришел и никогда не придет, но почему я должна слушать именно эту часть?»

В ее разуме находятся две разные Тэмми. Одна из них — та, которая раньше верила в Санту, а теперь покупает игрушки

в магазине, а вторая — Тэмми, которая до сих пор верит в Санту. Последней нравится думать о Санте, и она злится, когда ей кажется, что Ари в него не верит. Эта Тэмми без проблем реагирует на изображения Санты, на телевизионные передачи и песни про него.

«Я» Тэмми способно разделяться. В ней может быть одновременно несколько Тэмми. Один голос в ее голове утверждает: «Ну конечно же, никакого Санты нет», в то время как другой восклицает: «Надеюсь, он подарит мне что-то хорошее!» Ее «я» также способно разделяться по *времени*. То есть Тэмми может смеяться при одной мысли о Санте вплоть до Рождества, а затем в Рождество говорить так, будто она верит в веселого старого святого.

Поскольку эта версия связана с голосами в голове, мы беспощадно назовем ее объяснением через *безумие*.

Объяснения через ложь и через безумие в глубине схожи между собой, поскольку ложь подразумевает диссоциацию на межличностном уровне, а безумие — на внутриличностном. Общества, основанные на лжи, безумны, а безумцы лгут сами себе.

Объяснение через безумие подразумевает некое разъединение внутри Тэмми на части: ту, которая верит, и ту, которая не верит. Объяснение через ложь подразумевает разъединение внутри Америки на аналогичные части. И в обоих случаях в отношениях между этими частями что-то, мягко говоря, не в порядке. Объяснения можно даже поменять местами, сказав, что Тэмми лжет сама себе, а Америка слегка свихнулась по поводу Санта-Клауса.

Верно ли объяснение через безумие или объяснение через ложь?

Варианты каждого из них можно найти в рационалистической критике религии и в научных наблюдениях за человеческим поведением в целом. Вот несколько примеров.

- Марксизм (ложь): священники обманывают людей, рассказывая им о райских кущах на небесах, чтобы сохранить обладающих властью на их месте.
- Психоанализ (безумие): разум создает иррациональные убеждения, чтобы защититься от психологического давления, вызванного боязнью смерти или желанием спать с собственной матерью.
- Нейробиология (безумие): в человеческом мозге выработалась система, позволяющая воспринимать людей как живых существ, поскольку с точки зрения эволюции было очень важно понимать, что в твоей пещере кроме тебя находится кто-то еще. И мы считаем, что Санта существует, из-за участка нервной ткани, подающего ненужный сигнал, — подобно тому как возникает сенная лихорадка, когда чихательный рефлекс срабатывает в ненужный момент под воздействием некоего антигена.
- Теория мемов (ложь по причине безумия): мемы — программы культурной ДНК, воспроизводящиеся тогда и только тогда, когда они заставляют нас верить в них и распространять их.

В подобного рода дискуссиях мы ожидаем, что наши убеждения подвергнутся сомнению, а эксперты приведут какие-нибудь научные данные. Однако наука не может сказать, почему мы должны руководствоваться ею при восприятии реальности. Некоторые ученые и философы не согласятся с этим утверждением, заявив, что, конечно же, наука

говорит нам, как воспринимать нашу жизнь и остальную реальность, — а именно с точки зрения научного подхода. Но подобные заявления представляют собой научную публицистику или популяризацию науки, а не ее саму.

Наука не говорит нам, что мы должны о ней думать. Для примера возьмем любое из представленных выше объяснений — марксистское, психоаналитическое, нейробиологическое или меметическое — и применим по отношению к ним самим. Так, марксисты верят в марксизм только потому, что это в их классовых интересах; психоаналитики верят в психоанализ для защиты от раздражающих факторов; нейробиологи верят в нейробиологию, потому что в ходе эволюции мозг научился искать причинно-следственные связи; а сторонники теории мемов верят в нее, потому что мемплекс «теория мемов» проник в их разум и заставил воспроизводить себя. Все эти теории объясняют себя в той же степени, в какой они объясняют Санту. А то, как рассматривать данные теории или как рассматривать Санту, принимая во внимание вышесказанное, уже не является научным вопросом.

Роль интеллектуальной теории сравнима с ролью денег. Вы можете прочитать в учебниках по экономике или финансам, что нужно сделать, чтобы много заработать, но они не расскажут вам, как определить важность денег в нашей жизни. По поводу этого вопроса можно вести споры, сравнивать точки зрения и принимать различные решения — от полного подчинения своей жизни финансовой выгоде до игнорирования денег и превращения в странствующего хиппи; впрочем, можно вести образ жизни, находящийся где-то между крайностями. Подобное положение дел мы наблюдаем и в науке: мы или полностью принимаем ее, или игнорируем, или располагаемся посередине между двумя предыдущими вариантами.

Вы можете счесть очевидным, что если Тэмми утверждает, будто верит в Санту, то она либо безумна, либо лжет, и аргументировать свою точку зрения тем, что безумные люди не знают о своей ненормальности, а лжецы, как правило, врут, заявляя, что они не лжецы. Но с данным подходом связаны две проблемы — этическая и эпистемологическая.

- Этическая проблема: оскорблять родителей друзей твоего ребенка, называя их сумасшедшими и лжецами, — грубо и некрасиво. Тэмми не производит впечатления лжеца: по-видимому, она действует из лучших побуждений, руководствуясь заботой о сыне.
- Эпистемологическая проблема отражена в старой шутке, в которой один англиканский священник объясняет другому значение ортодоксальности: «Моя “докси”^{*} ортодоксальна, твоя — неортодоксальна».

Смысл последней шутки заключается в том, что понятия «здравомыслящий» и «честный» должны определяться таким образом, чтобы мы могли сказать, кто безумец, а кто лжец, не примешивая наши собственные взгляды. В противном случае утверждать «Ты безумен, потому что ты веришь в Санту» будет сходно с попыткой сказать «Санты не существует» как-нибудь поглубже — в форме личного оскорбления, замаскированного под психологическое объяснение.

Если мы предполагаем, что Санты нет, мы можем сказать, что Тэмми безумна, но мы не имеем права использовать факт ее безумия для опровержения существования Санты. Не исключено, что имеется более простой способ доказать, что Санты нет. Если мы хотим узнать, есть ли Санта-Клаус,

^{*} Доху — проститутка (староангл.).

почему бы нам не поискать объект, соотносящийся с нашими убеждениями? Но как представления «соотносятся» с объектом? Идет ли речь о ясной идее или о расплывчатой метафоре, слишком неоднозначной, чтобы можно было четко понять, что существует, а чего нет? Давайте рассмотрим следующий мысленный эксперимент.

Вообразим себе поле, настолько большое, что на нем можно провести самую крупную переключку в истории. Из нашей черепной коробки, выходят, держась за руки, все наши представления и становятся в один конец поля. С другой стороны располагаются все объекты. Представления, одно за другим, называют себя. Когда наша вера в Африку кричит: «Я — представление об Африке», реальный объект — Африка — поднимает руку, и они уходят к краю поля с табличкой «Истинные представления». «Пчелы!

Я — представление о пчелах!» — «Круто! Мы — пчелы!» — и они уходят вместе. «Я — представление о планете Нептун!» — «А я и есть планета Нептун! Пойдем выпьем!» — и они удаляются вдвоем. К концу дня несколько убеждений будут одиноко стоять на своем краю поля. Они тянут руки: «Я — представление о пропавшем континенте Атлантида». В ответ — тишина с другого конца поля. Не существует пропавшей Атлантиды. «Я — представление о феях!» Нет ответа. Фей не бывает. «А я — представление о Санта-Клаусе!» Безмолвие. Санта-Клауса не существует. Вера в Санту ошибочна, потому что с ней не соотносится Санта-Клаус.

Первая проблема заключается в том, что наши убеждения не делятся на меньшие части. Как пересчитать все наши представления? Является ли моя вера в существование Африки сверхпредставлением, состоящим из представления обо всех людях, животных и странах, которые, по моему убеждению, находятся в Африке? Или она сама по себе является частью представления о том, что мир разделен

на материке и острова? Или частью чего-то еще большего: представления о существовании физических объектов, примером которых может послужить Африка? Все — и ничего. Мои представления образуют сеть, или, лучше сказать, мир. И если что-то и соответствует чему-то, то это все мои убеждения (держась за руки) соотносятся со всеми фактами (держась за руки). Мой разум соотносится со всем миром в целом.

Но есть и более серьезная проблема. Когда мы представляем себе такую переключку, мы присутствуем на поле в качестве некоего арбитра, взирающего на убеждения с одной стороны поля и объекты — с другой. Однако, если мы смотрим на объект и видим его, это и означает, что мы верим в его существование. Нельзя выйти за рамки самого себя и изучить мир и наши убеждения со стороны.

Давайте рассмотрим классический пример, иллюстрирующий эпистемологию.

Допустим, у нас в голове есть представление о яблоке. Чем же будет это яблоко внутри нашей головы? Это просто совокупность атомов либо, если хотите, нейронов и глиальных клеток, либо же орган, состоящий из префронтальной коры, мозжечка, преакведуктального серого вещества, гиппокампа и т. д.? Но ничто из этого не похоже на яблоко. И можем ли мы со стороны посмотреть одновременно и на яблоко, и на себя, воспринимающего яблоко и имеющего о нем представление? Нет. Мы находимся в рамках наших представлений и развиваем их.

Мы не в силах изучать представления и яблоки по отдельности, потому что они образуют единый феномен. Они развиваются вместе, подобно тому как совместно эволюционируют зрение пчел и цветы.

В связи с этим я хотел бы представить проблему Санта-Клауса как проблему решения внутреннего напряжения в человеческом «я» и внешнего напряжения, существующего между одним «я» и другими. Таким образом, мы можем считать, что в вере в Санту есть что-то забавное, не апеллируя к туманным понятиям соотношенности между содержанием внутренних представлений и внешней реальностью.

Эта книга посвящена вещам, относительно которых мы сомневаемся, что верим в них; а также в которые мы верим наполовину; в которые верим время от времени; в которые, как нам кажется, мы верим, но не настолько сильно, как хотелось бы; в которые мы бы охотно перестали верить, но не знаем, кем будем без такой веры. Я попробую найти подход к этим вещам — на личностном уровне и в рамках человеческого сообщества — и понять, есть ли что-то лучшее, чем кричать друг на друга (или на непокорные части самих себя) «Ты лжец!», «Ты безумец!» и т. п. Если вас устраивает Санта — прекрасно. Если же вы вдруг не верите в него (например, потому что какой-то умник вроде моего сына сказал, что его нет), выберите что-то, во что вы верите, но что при этом не является повсеместно признанным в качестве реально существующего. Я бы предложил смысл жизни — и, по сути, всего. Ваша жизнь, как и все остальное, когда-то подойдет к концу — данный факт влечет за собой вопрос: в чем заключается смысл чего угодно? Одни ответят, что смысл заключается в следовании Божьей воле, но почему тогда у Его жизни есть смысл — или же, если такового нет, почему Его бессмысленное существование должно придавать смысл нашему? Другие скажут, что смысл жизни заключается в воспроизводстве наших генов, но эта версия тоже выглядит натянутой. Предположим, что в далекой галактике есть «червоточина» и все, что попадает в нее с одной стороны, выходит с другой, будучи воспроизведенным триллион триллионов триллионов триллионов раз.

Мы же не бросим все наши дела и не организуем экспедицию к этой «червоточине», чтобы забросить в нее клетку человека, даже если тем самым мы сумеем воспроизвести наши гены лучше, чем когда-либо раньше, — это просто бессмысленно. Таким образом, дубликация наших генов тоже не является в полной мере осмысленным занятием и определенно не придает смысл всему остальному.

Некоторые полагают, что смысл жизни обусловлен свободой выбора. На первый взгляд, данная идея обладает определенным мачистским шармом, но если обдумать ее пару секунд, то и в ней обнаружатся недостатки. Если я способен по собственной воле придать моей жизни смысл ровно в два часа дня, тогда я могу наделить ее другим смыслом в два часа и одну минуту. Таким образом, моя жизнь будет последовательностью актов свободной воли — но в чем заключается их смысл? Почему один смысл предпочтительнее другого? И если я наделяю смыслом всю свою жизнь, что делает этот акт наделения смысла именно *моим*, а не просто случайным событием?

Я хочу сказать, что ни один из ответов на вопрос «В чем смысл жизни?» не является правильным или ошибочным, но каждый из них противоречив и недоказуем. Если вы подобны большинству людей, я рискну предположить, что у вас нет однозначного ответа на этот вопрос, возвышающегося над остальными, потому, каким бы ни был ваш ответ, он вполне может выступить в роли вашего личного Санта-Клауса.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

